П. Шмаков

Тучки небесные...

рассказ

В густой сетке осеннего дождя уличные фонари были матовыми и казались Лидии Федоровне Тарховой пришельцами из другого мира. Она медленно шла по мокрому асфальту, поглядывала на освещенные окна домов и думала, что за каждым таким окном течет своя, ей недоступная, жизнь. И невольно возникало желание войти в любой подъезд, постучаться в первую попавшуюся дверь, войти в теплую комнату и спросить что-нибудь будничное, свойское. Но зная, что этого не сделать. Да и кому она нужна со своими смутными мыслями?

Может быть, на душе гадко от этого дождя, падающего сверху мелкой россыпью вот уже третий день? Может, оттого, что тоскливо сидеть ей одной в маленькой неуютной комнате? Нет, все не то. Она знает, почему ей грустно и больно. Знает, но не хочет в том сознаться, вернее, сказать себе полным голосом.

По улице прошел поздний, полупустой автобус, обгоняя ее, и исчез за углом. На миг мокрый асфальт осветился — и опять сумрачно, неуютно на сырой улице. Куда идет Лидия Федоровна? Она и сама и не знает. Просто захотелось посмотреть на ночной город, который так и не стал для нее родным. Она прощалась с городом. Когда она впервые приехала сюда три года назад, ей казалось, что начинается новая, интересная жизнь.

Жизнь распорядилась по-своему. И ничего с этим не поделаешь. Как далекий сон вспоминается ей время учебы в Иркутске. Подруги, общежитие, горячие споры, волнения в дни экзаменов... А главное, мечты...

...Три года она преподает литературу и русский. Одно слово — преподает. Ни одного урока у нее не было такого, о каком она мечтала раньше. Ни разу она не заметила, чтобы вспыхнули детские глаза интересом, загорелись жаждой новых открытий. Все у нее получалось сухо, схематично.

Пусто в душе. Пуст ночной город. Холодно смотрят на нее уличные фонари. Все так же цедит и цедит мелкий дождь.

Да, жизнь распорядилась по-своему. Не получился из Лидии Федоровны Тарховой учитель. Чего скрывать перед собой — не получился. Хорошо хоть, что нашла она в себе мужество сознаться в этом. В минувшую зиму приходил к ней инспектор на урок. Отчетливо помнит Лидия Федоровна, как пожилой, с седыми висками мужчина вымученно говорил о ее уроке. И придраться было не к чему, и доброго слова сказать не мог. Схема. Как ни крути, а схема. Нет связи с учениками. Не может зажечь их. А ведь в душе у нее много есть, а передать не может. Нет таланта. Как это обидно: бесталанная. Завтра она проведет последний урок. Распрощается со школой, с детишками, а там, что бог уготовит. Завтра она по-прежнему сухо и сдержанно расскажет ребятам о своем любимом поэте Михаиле Юрьевиче Лермонтове и на этом поставит точку. Да, она поставит точку.

...Класс затих, как только вошла Лидия Федоровна. Двадцать две пары глаз внимательно следили за своей учительницей. Лидия Федоровна подошла к столу, положила портфель на стол, поздоровалась. Ей дружно ответили. Она не раскрыла журнала и не стала по-обычному выяснять, кто сегодня отсутствует и кто дежурный. За всю ночь она так и не придумала, с чего начнет свой последний урок. Ученики, будто уловив ее настроение, сидели смирно.

Она подошла к окну. По небу плыли разорванные, серые тучи. Они плыли в одном направлении, обгоняя друг друга. Бесшумные, сиротливые. И было в этом движении столько горечи, столько безысходной тоски, что на глаза навернулись слезы. Ей вот тоже предстояло скоро, как и этим тучкам, уплыть в неизвестное.

Неожиданно перед ней возникла картина. Она увидела стоящего вот так же у окна много-много лет назад молодого военного человека, находящегося, может быть, под домашним арестом, и смотревшего с тоской и грустью в душе, на такие же неуютные, серые тучки.

Лидия Федоровна почувствовала, как в груди родилась мелодия, заполнила всю ее и не отпускала: «Тучки небесные, вечные странники! Степью лазурною, цепью жемчужною мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники...».

Ее поразило это неожиданное озарение, она закрыла глаза, прислушиваясь, как росла в ней удивительная мелодия стиха. Повернулась к классу и тихим, проникновенным голосом обратилась:

— Ребята, посмотрите за окно, вот на эти тучки...

Она говорила, говорила, и дети, затаив дыхание, слушали ее. Толчками, непрошенно билась мысль: найдено! Найдена связь того далекого времени, когда творил поэт — с настоящим. Она чувствовала себя связующим звеном времен.

Лидия Федоровна еще не понимала, что с ней произошло. Но произошло что-то очень значительное...

// Ленинский шахтёр, 1972, 3 октября, с. 4.